

Wie die petersburger Arbeiter zum Zaren gingen.

Prix: 25 cts.—20 pf.—2½ d.—5 cent.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

В. ВОИНОВЪ.

Какъ петербургскіе рабочіе

къ царю ходили.

№ 16.

Издательство „ВПЕРЕДЪ“.

ЖЕНЕВА

Кооперативная типографія, 93, rue de Carouge 93.

1905.

КАКЪ ПЕТЕРБУРГСКІЕ РАБОЧІЕ КЪ ЦАРЮ ХОДИЛИ.

Въ началѣ января этого года всѣ питерскіе рабочіе небросали работу. Что случилось? Почему стоятъ фабрики и заводы? Почему 250000 человѣкъ вдругъ бросили трудъ, который даетъ имъ кусокъ хлѣба?

Надо рассказать объ этомъ съ самаго начала.

Съ годъ тому назадъ полиція разрѣшила петербургскимъ рабочимъ устроить свое общество: „Собраніе русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ“, позволило имъ собираться въ особыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ священники должны были поучать ихъ. Извѣстно, чему учать попы народъ: „бѣдны вы? — сами виноваты! Не пейте вина, не ходите въ трактиры, берегайте по грошику на черный день. Курить тоже не слѣдуетъ. Работайте прилежно, всякое начальство чтите, на Бога не ропщите, а побольше молитесь — вотъ и ладно будетъ“. Но рабочіе-то знаютъ хорошо, что всѣ эти слова — одна сплошная ложь! Не отъ пьянства бѣденъ рабочій, а отъ нищеты безпросвѣтной пьетъ онъ. Надо-же человѣку послѣ изнурительнаго труда хоть немножко повеселиться, а гдѣ же веселіе для рабочаго? Самъ управляющій Путиловскаго завода въ Питерѣ говоритъ: „не надо рабочему уменьшать рабочій день, а то онъ все равно все свободное время пить будетъ: дома у него жить нельзя, — тѣсно, грязно, духота... Ни читаленъ, ни клубовъ, ни театровъ для него не припасено — въ бабакъ одна дорога“.

Не правда-ли, какъ ловко разсуждаютъ господа фабриканты и управляющіе? Почему нѣтъ у рабочаго

ни читаленъ, ни театровъ, ни курсовъ, ни клубовъ? — „Некогда ему! — говорятъ — гдѣ ужъ! Придетъ усталый съ работы, радъ до постели добратся“. — Ну, такъ дайте ему свободнаго времени побольше! — „На что ему? — отвѣчаютъ — все равно ему дѣваться некуда“. Такъ и не вырвешься изъ этого круга. Знаютъ рабочіе хорошо, что проповѣди поповъ противъ пьянства одни слова пустыя: платили-бы рабочему больше, поменьше изнуряли бы на работѣ, позаботились-бы о томъ, чтобы образованіе и хорошія развлеченія были ему доступныѣ, — тогда и пьянство сразу-бы уменьшилось.

„Слушайте всякаго начальства, не будьте строптивы“, — учили попы на рабочихъ собраніяхъ. — „Врутъ батьки! думаютъ рабочіе — только тогда мы для себя чего нибудь и добивались, когда скопомъ не слушались и бунтовали. Гдѣ рабочій молчитъ и терпитъ, тамъ его и такъ и сякъ честятъ, жилы изъ него тянутъ, да еще и въ зубы норовятъ... Повиновеніе и терпѣніе рабочему — гибель! И на счетъ бога и молитвы — все пустое. Хорошо говорится въ пословицѣ: на бога надѣйся, а самъ не плошай. Господа фабриканты не стѣ молитвы наживаются, а всячески прижимая рабочій людъ; коли будешь на ихъ подвохи одному богу жаловаться — живьемъ съѣдятъ!“

Но вотъ начались на рабочемъ собраніи совсѣмъ новыя рѣчи.

Не всѣ полицейскіе ставленники попы шли на собранія только затѣмъ, чтобы рабочихъ морочить. Былъ между ними одинъ молодой священникъ — Георгій Гапонъ, сынъ полтавскаго крестьянина, человекъ правдивый, который хотѣлъ и въ самомъ дѣлѣ помочь рабочему люду. Жилъ онъ просто и бѣдно, вмѣстѣ съ рабочими, какъ свой человекъ; толковалъ съ ними откровенно, и увидѣлъ онъ, что рабочіе правы, что одно спасеніе рабочему человеку отъ кровопійства хозяевъ — другъ за друга стоять, вмѣстѣ

свое рабочее дѣло отстаивать. А тутъ какъ разъ въ январю прогнали управляющіе путиловскимъ заводомъ четырехъ рабочихъ, членовъ общества, не за провинность какую нибудь, а такъ, больно умны показались. Остальные путиловскіе рабочіе вступились, послали въ начальству выборныхъ похлопотать; пошелъ съ выборными и священникъ Гапонъ. Начальство разсердилось, раскричалось, объ уступкѣ и говорить не пожелало.

Нужда и невзгоды давно уже сдѣлали рабочимъ жизнь горше смерти. Трудъ страшный, все тѣло разломаетъ, силы подкашиваетъ, болѣютъ рабочіе, рано мрутъ, а семью прокормить все нечѣмъ. А ужъ если заболѣетъ отецъ семейства, тогда голодають ребятишки, гибель какъ черная туча надъ семьею нависнетъ. Старь станетъ рабочій, а старость у рабочаго отъ непосильнаго труда ранняя, гонять его вонъ, пропадай, какъ знаешь. Фабриканты и въ усъ не дуютъ: только еще потуже затягиваютъ петлю, штрафами донимаютъ, за каждое смѣлое слово на улицу выбрасываютъ, мастера издѣваются, за чело-вѣка не считаютъ, дратья лѣзутъ, къ дѣвушкамъ работницамъ пристають... Управы нигдѣ не найдешь. Фабричные инспектора и другія власти — тѣ же бары, хозяйскую руку тянуть. У нихъ еще рабочій и виновать остается: одна издѣвка. Много горечи, много гнѣва накопили рабочіе... ну, и разразилась гроза.

Забастовали путиловцы и словно зараза охватила всѣ заводы. Въ немного дней сталъ весь рабочій Петербургъ. Замеръ весь огромный городъ, потому что двигателемъ его служитъ рабочая рука, замеръ и ждетъ, что-то будетъ. Гулъ стоитъ въ залахъ рабочихъ собраній. Одни тысячи приходятъ, другія уходятъ. Рабочіе обсуждаютъ свое рабочее дѣло. Выступаютъ передъ ними разные люди, и свои рабочіе, и друзья рабочихъ. Говорилъ всюду и священникъ Гапонъ.

Гапонъ говорилъ, что пришелъ предѣлъ всякому

терпѣнію, что нужно всѣмъ вмѣстѣ стоять дружно и добиваться разныхъ улучшеній. Да не для себя только, а и для всего рабочаго люда и для всей Россіи. Стонетъ повсюду рабочій человѣкъ подъ тяжкимъ игомъ богача, стонетъ и многомилліонный деревенскій людъ: голодъ то тамъ, то здѣсь свирѣпствуетъ, не переводится голодуха на Руси, болѣзни страшныя, всюду голь и нищета, а чиновники за недоимки послѣднее хозяйство раззоряютъ. А тутъ еще война: давай послѣднюю лошадь, давай и кровь родную — сына, мужа, давай на погибель въ далекой странѣ работника, опоры семьи, оставайся безъ поддержки на погибель. Вотъ встали теперь всѣ рабочіе Петербурга, чуютъ они свою огромную силу: пусть же они постоятъ за всю бѣдную Россію.

Такъ говорили и многіе рабочіе, и свящ. Гапонъ. Но кому же жаловаться на свою бѣду, у кого просить защиты? Не у правительства-ли? Не у чиновниковъ-ли, не у полиціи-ли? — Ну, нѣтъ! Ихъ хорошо зналъ рабочій людъ Петербурга! Развѣ не избивала полиція рабочихъ за ихъ недовольство, развѣ не арестовывали, не сажали въ тюрьмы, не ссылали всякаго рабочаго посмѣлѣе? Чѣмъ помогли они когда — нибудь рабочему человѣку? Даже теперь, во время январьской стачки, когда испуганные хозяева соглашались было на уступки, полиція нахально запретила имъ уступать законнымъ требованіямъ рабочихъ, а то они-де зазнаются. Нѣтъ, ужъ къ нимъ рабочіе жаловаться на свою участь не пойдутъ. Но тутъ Гапонъ и иные рабочіе стали говорить: министры и чиновники, полиція и заводское начальство — все одна шайка, всѣ грабятъ рабочаго, всѣ пьютъ кровь изъ русскаго народа. А вотъ царь? Царь, защитникъ народа, онъ-то чего смотритъ? — Онъ любитъ народъ, говоритъ Гапонъ и его единомышленники: только ничего-то онъ не знаетъ, — до бога высоко, до царя далеко! Стали чиновники и богачи стѣною между царемъ и народомъ, оттерли его отъ насъ! Рабочіе!

порвемъ, проломимъ эту стѣну; повесемъ грамоту-петицію къ царю, выложимъ въ ней свое горе и все, чего мы просимъ. Скажемъ въ ней, что мы хотимъ, чтобы царь народомъ правилъ не черезъ подлыхъ, корыстолюбивыхъ чиновниковъ, а вмѣстѣ съ самимъ народомъ, совѣщаясь постоянно съ его выборными. Вотъ что предложилъ рабочимъ священникъ Георгій Гапонъ. Рабочимъ эта мысль очень понравилась; всюду на это предложеніе большая часть рабочихъ кричала: „Да, да! Пойдемъ къ царю: пусть самъ къ намъ выйдетъ, нашу петицію возьметъ, пусть заступится за свой народъ“.

Но были на собраніяхъ и такіе, что не соглашались съ предложеніемъ Гапона. То были *соціалъ-демократы*. Соціалъ-демократы въ отвѣтъ на рѣчи Гапона рассказывали рабочимъ, какъ они понимаютъ дѣло, и вотъ что говорили соціалъ-демократы:

„Не вѣрьте, товарищи рабочіе, что царь другъ народу, рабочему, крестьянскому люду. Не вѣрьте, что царь ничего не знаетъ про то, какъ горько живетъ бѣднымъ людямъ въ Россіи. Много можно было-бы поразсказать, чтобы вы видѣли, какой царь другъ вамъ: напомнимъ вамъ хоть то, какъ онъ благодарилъ Фанагорійскій полкъ и называлъ солдатъ молодцами за то, что они безжалостно разстрѣляли рабочихъ и работницъ Ярославля; напомнимъ вамъ, какъ по царскому приказу до смерти пороли полтавскихъ крестьянъ за то, что они хотѣли отстоять себя отъ вымогательства помѣщиковъ. И мало-ли за нимъ такихъ дѣлъ! Да и неудивительно это, самъ онъ богачъ, самъ богатѣйшій помѣщикъ и заводчикъ. Не русскому народу онъ глава, онъ глава шайкѣ чиновныхъ грабителей, потакающей во всемъ дворянамъ и богатымъ купцамъ. Беретъ онъ у народа послѣдніе гроши, беретъ сыновей народа, и на народныя деньги изъ сыновъ и братьевъ вашихъ дѣлаетъ солдатъ, вымуштрованныхъ для того, чтобы защищать его шайку, чтобы пулями и штыками расправляться

съ вами, если вамъ не втерпешъ станетъ, если со стономъ забьется рабочій народъ подъ бременемъ своихъ мрачныхъ вампировъ! Не выйдеть къ вамъ царь, товарищи рабочіе!“—говорили соціалдемократы: „онъ вышлетъ противъ васъ солдатъ, велить васъ растрѣливать, какъ бѣшеныхъ собакъ, не посмотритъ, что вы пойдете съ женами и малыми дѣтьми, захочетъ онъ кровью вашею залить ваше недовольство, чтобы вамъ впередъ неповадно было, чтобы вы безропотно впряглись въ телѣгу и везли бы на себѣ богатыхъ и знатныхъ, и самого царя съ его семьею, а они бы, господа ваши, только бы гикали да кнутомъ помахивали. Помните наше слово: захочетъ царь показать вамъ, что вы не люди, а рабочій скотъ, что ваше дѣло молчать и работать, работать голодными и холодными, барамъ на пользу, пока не изработаетесь въ конецъ и не свалитесь отдохнуть въ холодную могилу“. Такъ говорили соціалдемократы; рабочіе слушали этихъ своихъ товарищей (потому что соціалдемократы тоже рабочіе) внимательно, но сразу не соглашались, все еще сидѣла въ нихъ вѣра въ царя. А иные спрашивали: „что-же по вашему намъ дѣлать?“

На такіе вопросы рабочіе соціалдемократы отвѣчали такъ: „Прежде всего должны вы знать, братцы, что самый первый вашъ врагъ — царь и есть. Онъ со своей полиціей и солдатчиной оберегаетъ богачей и не даетъ вамъ бороться съ ними за ваши интересы. Долгій путь предстоитъ намъ съ вами, товарищи, пока мы совсѣмъ одолѣемъ богачей, пока народъ рабочій соединенный, образованный, умѣлый самъ возьметъ въ свои руки фабрики и заводы, копи и желѣзныя дороги и земли, и станетъ трудиться общимъ трудомъ для счастья и блага всѣхъ, а не для наживы горсти тунеядцевъ. Когда настанетъ такое время, тогда рабочій людъ городской и деревенскій станетъ хозяиномъ и своего труда и всѣхъ орудій труда: такой строй называется *соціалистическимъ*.“

За него борятся рабочіе всѣхъ странъ, слившись въ одинъ большой братскій союзъ — международную соціалдемократическую рабочую партію.

У нашихъ сосѣдей, у нѣмцевъ, французовъ и другихъ народовъ Западной Европы рабочимъ можно широко бороться за свои цѣли, за то, чтобы настало новое *рабочее* устройство жизни, настоящее братское устройство, въ которомъ уже не будетъ одинъ человекъ выжимать соки изъ другого, а всѣ будутъ радостно трудиться на общей землѣ, общими машинами — всѣмъ на благо. Европейскіе рабочіе въ сосѣднихъ съ нами странахъ могутъ свободно говорить о такомъ устройствѣ жизни, о социализмѣ и о борьбѣ за него, они могутъ распространять свое ученіе и живымъ словомъ, и въ книгахъ, и въ газетахъ. Тамъ существуетъ *свобода слова и печати*. Тамошніе рабочіе могутъ устраивать стачки, устраивать союзы для этого, стовариваться съ хозяевами не по одиночкѣ, а всѣ разомъ: „хочешь принять наши условія будемъ работать, а не хочешь — не будетъ тебѣ ни единого рабочаго“. И благодаря крѣпкимъ союзамъ и собственнымъ кассамъ рабочіе могутъ надолго лишить хозяина рабочихъ рукъ: никто къ нему не идетъ, а участвующихъ въ стачкѣ поддерживаютъ другіе рабочіе, имѣющіе заработокъ. Могутъ рабочіе заключать союзы и для другихъ цѣлей, на примѣръ, чтобы общими силами стремиться къ образованію. Тамъ существуетъ *свобода стачекъ и союзовъ*.

Мало того: у нашихъ сосѣдей въ Европѣ правительство не имѣетъ права налагать налоги, тратить народныя деньги и издавать законы безъ воли народа. Тамъ существуетъ *парламентъ*. Парламентъ — это собраніе довѣренныхъ, выборныхъ всѣмъ народомъ для надзора за правительствомъ и для того, чтобы передавать правительству о нуждахъ народа. А во многихъ странахъ, на примѣръ Франціи и Швейцаріи, народъ выбираетъ и правительство. Такое народное правленіе называется *республикой*,

Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ парламенты, рабочіе тоже выбираютъ туда своихъ представителей — социалистовъ. Эти представители рабочихъ громко, передъ лицомъ всего міра, говорятъ о нуждахъ рабочихъ и о ихъ великой цѣли — социализмѣ. Имъ зачастую удается вырвать у богатыхъ законы, улучшающіе бытъ рабочихъ, законы о защитѣ женщинъ, дѣтей отъ чрезмѣрнаго труда, о сокращеніи рабочаго дня, о страхованіи жизни и здоровья рабочихъ. А чѣмъ лучше живетъ рабочему — тѣмъ больше силъ остается у него для борьбы за социализмъ, для распространенія этого ученія, для сплоченія силъ всего великаго всемірнаго рабочаго братства.

И у насъ въ Россіи городскіе рабочіе стали понимать свое положеніе. Образовалась рабочая партія социалъдемократовъ, то-есть социалистовъ защитниковъ правъ народа, и члены этой партіи стали распространять среди рабочихъ истинное ученіе о причинахъ ихъ горькой нужды и о томъ, какъ устроить ее. Но у русскаго рабочаго люда, какъ городского такъ и деревенскаго, нѣтъ тѣхъ оружій, которыми борются его братья въ другихъ свободныхъ странахъ. У насъ *нѣтъ парламента*, а править нами самодержецъ — царь, который тянетъ руку богачей: если и издастъ онъ какіе законы для рабочихъ, то для отвода глазъ, потому что остаются эти законы на бумагѣ. У насъ *нѣтъ свободы слова*: за всякое свободное слово жандармы и полиція у насъ хватаютъ и безъ суда сажаютъ въ тюрьмы или засылаютъ въ Сибирь; и тихонько то нельзя у насъ безопасно высказывать свои мысли, — всюду сторожатъ шпионы, готовы донести. *Нѣтъ у насъ свободы печати*: чуть напишетъ истинную правду какой-нибудь писатель, горькую правду, которую хотятъ скрыть наши правители, — ужъ прихлопнули газету, сожгли книжку, а пожалуй посадили въ тюрьму и самого писателя. *Нѣтъ у насъ свободы союзовъ и стачекъ*: устраивать стачки и

союзы въ Россіи — преступленіе, а на зачинщиковъ обрушиваются всякія кары; если же полиція и устраиваетъ сама рабочіе союзы, то только чтобъ вылавливать рабочихъ поумнѣе, посмѣлѣе и хватать ихъ. Вотъ потому, что нѣтъ у насъ всѣхъ этихъ правъ, русскому рабочему непомерно трудно бороться за улучшение своего быта и за рабочее дѣло — за социализмъ. Поперекъ дороги ему стоитъ русское рабство. Только выпрямится рабочій, только захочетъ поднять свой голосъ — какъ натывается на самаго страшнаго врага — на царское правительство: уже идетъ оно полицію и войско, свищетъ нагайку, трещать замки, льется рабочая кровь.

И все таки рабочіе въ цѣломъ рядѣ городовъ устраивали громадныя стачки, выходили на улицу со своимъ рабочимъ краснымъ знаменемъ, безстрашно заявляли свои требованія всего рабочаго люда, всѣхъ батраковъ, всѣхъ, изъ кого льютъ кровь имущіе господа какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ. Не боятся рабочіе царскихъ опричниковъ. Но не сманувъ съ родины самодержавнаго ига, не установивъ и въ Россіи народнаго правленія, не сможетъ рабочій человѣкъ расправить могучія плечи и вести свѣтлую и побѣдоносную борьбу, которую ведутъ его братья въ свободныхъ странахъ, борьбу за равенство и братство, за социализмъ. А въ борьбѣ съ царемъ, въ борьбѣ за народное правленіе городскіе рабочіе могутъ ждать помощи и поддержки не только отъ своего брата, деревенскаго батрака и бѣдняка; и у зажиточнаго мужика царская власть виситъ на шеѣ тяжкимъ бременемъ. И ему, и ремесленнику, и мелкому торговцу не следко платить тяжкіе поборы, отдавать дѣтей въ солдаты, кровью и достояніемъ жертвовать на безумныя царскія затѣи, вродѣ глупой и позорной войны съ Японіей, и въ обмѣнъ получать одно самоуправство чиновниковъ. Да и никто не доволенъ царскимъ управленіемъ. Разоренъ народъ до тла, страдаетъ отъ этого

даже крупный купецъ и фабрикантъ: некому покупать товары. Дѣла своего дѣлать правительство не умѣетъ: повело армію и флотъ противъ японцевъ и на весь свѣтъ осрамилось, ничего у него не было готово, на бойню повели вашихъ сыновей и братьевъ. Этого срама не простятъ правительству и богатые.“

„Вотъ каковы дѣла — говорили рабочимъ социальдемократы, и вамъ надо твердо знать, гдѣ ваши враги, гдѣ друзья, а гдѣ временные союзники. Теперь, когда война всѣхъ научила понимать, какъ неумѣло править Россіей царское правительство, когда всѣ классы населенія противъ него — вамъ, товарищи-рабочіе, нужно ковать горячее желѣзо: соединяйтесь въ крѣпкіе союзы, примыкая къ социальдемократической рабочей партіи, распространяйте повсюду, что такое социализмъ, и почему надо бороться съ царскимъ правительствомъ, вооружайтесь и дѣятельно готовьтесь къ борьбѣ. Встанетъ скоро съ вами весь русскій рабочій людъ, словно параличъ хватитъ всю страну, станутъ паровозы и всякія машины повсюду, погаснетъ газъ и электричество, весь трудъ замретъ, а безъ него никому жить нельзя. Встанетъ и деревня, а вы выйдете на улицы и площади столицъ и большихъ городовъ, вооружившись для борьбы, и громавымъ голосомъ потребуйте: *долой самодержавіе!* Вся Россія будетъ тогда съ вами. Войско, можетъ быть, и попытается вамъ противиться, да скоро пойметъ и солдатъ, что на вашей сторонѣ правда, вѣдь и солдатъ угнетенный человѣкъ, и ему нужна свобода, какъ и вамъ. И вы сбросите царское иго, товарищи, вы назначите временно свое правительство, а оно кликнетъ кличъ по всей странѣ, чтобы выбирали выборныхъ люди всякаго званія, выбирали бы *всѣ*, кому минуло 20 лѣтъ, сами бы выбирали безъ посредниковъ, на равныхъ правахъ, а голоса бы подавали *тайно*, чтобы никто не могъ принудить выбирать не по своему желанію, а по чужо-

му. Такъ выберетъ народъ всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ великое всенародное Учредительное Собраніе, оно и рѣшитъ, какимъ законамъ впередъ быть и какъ русскому народу собою править“.

Вотъ чему учили соціалъдемократы своихъ товарищей рабочихъ, когда тѣ собрались обсудить свое горькое положеніе. Но большинство петербургскихъ рабочихъ не могло сразу понять, какую правду говорятъ соціалъдемократы, а согласились все таки съ предложеніемъ священника Гапона нести всѣмъ міромъ царю грамоту—петицію. Все таки, хоть и не послушали рабочіе своихъ самыхъ умныхъ и передовыхъ товарищей, а сильно призадумались надъ тѣмъ, что они имъ говорили, и многое изъ ихъ предложеній внесли въ свою петицію.

Сталъ послѣ этого Георгій Гапонъ съ выборными рабочими писать петицію, и написалъ такъ:

Государь!

Мы рабочіе г. Петербурга, наши жены, дѣти и безпомощные старцы-родители пришли къ тебѣ, Государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ врагамъ.

Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше и дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества; насъ душатъ деспотизмъ и произволь и мы задыхаемся. — Нѣтъ больше силъ, Государь. Насталъ предѣлъ терпѣнію.

Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ.

И вотъ мы бросили работу и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немногого просили. Мы желаемъ того, безъ чего не жизнь, а каторга, вѣчная мука.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды, но и въ этомъ намъ отказали—въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что за нами не признаетъ законъ такого права. Незаконны оказались также наши просьбы уменьшить число рабочихъ часовъ до 8 въ день и устанавливать цѣны на наши работы вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать наши недоразумѣнія съ низшей администраціей завода.

Увеличить чернорабочимъ и женщинамъ плату за ихъ трудъ до 1 рубля въ день, отмѣнить сверхурочныя работы, лечить насъ внимательно и безъ оскорбленія, устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было бы работать, а не находить тамъ смерть отъ страшныхъ сквозняковъ, дождя и снѣга.

Все оказалось по мнѣнію нашихъ хозяевъ противозаконно. Всякая наша просьба—преступленіе, а наше желаніе улучшить наше положеніе—дерзость, оскорбительная для нашихъ хозяевъ. Государь, насъ здѣсь больше 300.000—и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же за нами не признаютъ ни одного человѣческаго права, даже говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія.

Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голосъ—въ защиту интересовъ рабочаго класса—бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку, караютъ какъ за преступленіе—за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалѣть рабочаго, безправнаго измученнаго человѣка—значитъ совершить тяжелое преступленіе.—Государь, развѣ это согласно съ божескими законами, милостью которыхъ ты царствуешь? Не лучше ли умереть, умереть всѣмъ намъ—трудящимся людямъ всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники. Вотъ что стоитъ передъ нами, Государь!

И это-то насъ и собрало къ стѣнамъ твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи въ помощи твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ, разруши стѣну между тобой и твоимъ народомъ и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ, къ намъ оно не доходитъ, мы получаемъ только горе и униженіе.

Взгляни безъ гнѣва внимательно на наши просьбы, они направлены не къ злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, Государь. Не дерзость въ насъ говорить, а сознаніе необходимости выхода изъ невыносимаго для всѣхъ положенія. Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ себѣ, вѣдь ему только извѣстны его нужды. Не отталкивай же его помощи: прими ее, повели немедленно, сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ сословій. Пусть тутъ будетъ и капиталистъ, и рабочій, и священникъ, и докторъ, и учитель: пусть всѣ, кто бы они ни были, выберутъ своихъ представителей, пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, — а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе проходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ. Эта самая главная наша просьба; въ ней и на ней зиждется все, это главный и единствен-

ный пластырь для нашихъ ранъ, безъ котораго наши раны вѣчно будутъ сочиться и поведутъ насъ быстро къ смерти.

Но одна мѣра все же не можетъ залѣчить всѣхъ нашихъ ранъ; необходимы еще и другія, и мы крѣпко и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, Государь, о нихъ.

Необходимы:

I. Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа:

1) Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, собраній, совѣсти въ дѣлѣ религіи.

2) Общее и обязательное народное образованіе на государственнѣй счетъ.

3) Отвѣтственность министровъ передъ народомъ и гарантіи законности управленія.

4) Равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія.

5) Немедленное возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за убѣжденія.

II. Мѣры противъ нищеты народа:

1) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

2) Отмѣна выкупныхъ платежей; *дешевый кредитъ* и постепенная передача земли народу.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:

1) Охрана труда закономъ.

2) Свобода потребительно-производительныхъ профессиональныхъ союзовъ.

3) 8-часовой рабочей день и нормировка сверхурочныхъ работъ.

4) Свобода борьбы труда съ капиталомъ.

5) Участіе рабочихъ въ выработкѣ законопроекта о государственномъ страхованіи рабочихъ.

6) Минимальная заработная плата.

Вотъ, Государь, наши главные нужды, съ которыми мы и пришли къ тебѣ. Повели и поклянись исполнить ихъ, и ты сдѣлаешь Россію и счастливой и славной, а имя твое запечатлѣемъ въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена, а не повелишь—мы умремъ здѣсь на этой площади передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда дальше идти и не зачѣмъ. У насъ только два пути: или къ свободѣ и счастью, или въ могилу. Укажи, Государь, любой изъ нихъ,—мы пойдѣмъ по нему безпрекословно, хотя бы это и былъ путь смерти. Пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы, мы охотно приносимъ ее.

Требованія, выраженные въ этой петиціи вѣрно отвѣчаютъ нуждамъ рабочихъ, только не могли социалъдемократы согласиться повѣрить, чтобы царь для народа хоть палецъ о палецъ ударилъ. Гапонъ

же очень заботился, чтобы министры не нагнали царю, не стали бы снова между нимъ и народомъ, а потому написалъ онъ царю письмо, и такъ написалъ ему:

Государь, не думай, что твои министры сказали тебѣ всю правду о современномъ положеніи. Народъ весь вѣритъ въ тебя; онъ рѣшилъ явиться завтра въ два часа пополудни къ Зимнему Дворцу, чтобы представить тебѣ свои нужды.

Если, въ нерѣшимости, ты не покажешься народу, ты порвешь нравственную связь, существующую между тобой и твоимъ народомъ. Довѣріе, которое онъ питаетъ къ тебѣ, исчезнетъ. И на этомъ мѣстѣ между тобой и народомъ прольется невинная кровь. Явись завтра передъ твоимъ народомъ и прими съ открытой душой нашу смиренную петицію. Я, представитель рабочихъ, и мои мужественные товарищи, — мы гарантируемъ неприкосновенность твоей личности.

Соціал-демократы всюду свое повторяли: не „выйдетъ къ вамъ царь, будутъ въ васъ стрѣлять; если ужъ итти, пойдѣмъ съ оружіемъ!“

Но Гапонъ не хотѣлъ этого и уговорился съ соціал-демократами такъ: пусть они берутъ свои красныя знамена и какое у нихъ есть оружіе, но пусть прязутъ ихъ, если же и въ правду станутъ избивать народъ, тогда вольны они распустить знамена и вольны пустить въ ходъ оружіе. И сказалъ священникъ Гапонъ: „Тогда я самъ скажу — долой царя! Самъ буду драться вмѣстѣ съ вами“.

И вотъ утромъ 9-го числа января, въ воскресенье пошли рабочіе съ четырехъ концовъ города къ Зимнему дворцу. Денькъ выдался веселый, солнечный съ морозцемъ; купола церквей сіяли. А на сердца русскихъ обывателей было невесело. Съ мрачными лицами шли да шли маленькими группами петербурцы на площадь къ Зимнему дворцу, посмотрѣть, какъ царь приметъ дорогихъ гостей — рабочихъ.

А рабочіе приближались. Путиловцы шли торжественно и стройно, пѣли церковныя пѣсни, впереди несли хоругви, и иконы, и царскій портретъ. Священникъ Гапонъ шелъ въ облаченіи впереди всѣхъ.

Ни дать, ни взять крестный ходъ. Подошли въ Нарвскимъ воротамъ, а тамъ ужъ и казаки и пѣхота. Что такое? Царь и дядя его Владиміръ отдали приказъ генералу князю Васильчикову защищать Петербургъ отъ рабочихъ, словно непріятель наступаетъ.

„Народъ недоволенъ! народъ страдаетъ?“ спросилъ дядя царскій, великій князь Владиміръ: „я знаю хорошее лекарство отъ народныхъ бѣдствій: стоитъ повѣсить сотню зачинщиковъ передъ глазами остальныхъ — и все какъ рукой сниметъ!“ „Устройте имъ хорошенькое кровоусканье, дорогой князь, говорилъ онъ Васильчикову: чтобы надолго запомнили.“

И вотъ отсюда ни шли рабочіе всюду встрѣтили ихъ штыки. Подходятъ путиловцы къ казакамъ. Вышли впередъ старики и говорятъ имъ: „Бога вы не боитесь! Грѣхъ вамъ, братья-казаки, мы идемъ къ царю съ челобитной, по божьему, честь-честью, а вы насъ не пускаете!“ Одинъ отвѣтъ: „Не веѣно!“ А толпа сама напираетъ: „Чего тамъ!“ — кричатъ рабочіе: „не будутъ стрѣлять! ужели во святыхъ иконы, въ хоругви христіанское войско палигъ будетъ!“ Напираютъ. Вдругъ на рожкъ что то проиграла. Бадъ! „Шутягъ, холостыми палятъ!“ — кричатъ рабочіе. Да нѣтъ, вонъ шатаются люди, вонъ падаютъ, стоны слышны, кровь заалѣла по снѣгу.

Взревѣла толпа въ гнѣвъ, въ отчаяніи, а оружія нѣтъ! Нѣтъ оружія! А храброе царское войско знай палить: десятки, сотни лежатъ уже на повраснѣвшемъ отъ крови снѣгу, женщины, ребятишки... Пробили пулями иконы, пробили и царскій портретъ, и хоругвеносцевъ поубивали!

Тоже было и въ другихъ мѣстахъ. Страшно рассказывать, да всего и не перескажешь.

На Васильевскомъ островѣ пытались отъ солдатъ защищаться построили загородъ — баррикаду изъ телеграфныхъ столбовъ и изъ проволоки. Да чемъ? Оружія настоящаго нѣту. Надо было сразу послу-

шать социальдемократовъ, дружно принятыя за то, чтобы всѣми мѣрами вооружаться. Другое было бы дѣло. Достаточно есть солдатъ, которымъ тяжело стрѣлять въ свой народъ, да бояться начальства, разстрѣла; а какъ увидѣли бы, что и народъ съ ружьями да бомбами, какъ увидѣли бы, что и противъ народа идти тоже смерть, и что народъ съумѣетъ солдата отъ начальства защитить — тогда и стали бы переходить въ народу: вѣдь солдатъ тотъ же мужикъ, свой братъ-простонародье.

А безоружныхъ всюду разстрѣливалъ царь на славу. Больше же всего у самаго дворца. Сюда разными путями собралось множество рабочихъ. Сослось видимо-невидимо публики — посмотришь. По всѣмъ безъ разбору и палили. Тысячи народу убили. Въ Александровскомъ саду всю публику заперли и разстрѣливали. Дѣтвора тамъ въ мячъ играла — и тѣхъ перебилъ новый иродъ — Николай II. Кровь, кровь повсюду. Проклятыя слышны, стоны, рыданія. А безсиленъ народъ!

Господа офицеры, тѣ прямо охотились за публикой. Одинъ рассказывалъ послѣ: „Вижу, говоритъ, бѣжить рабочій: я за нимъ, посмотримъ, у кого ноги быстрѣе; онъ отъ меня въ парадное крыльцо дома, я за нимъ — да въ спину его шашкой, такъ насквозь и прошла: смотрю — такъ мальчишка лѣтъ четырнадцати.“

Или другой случай: влѣзъ мальчишка, несмысленнѣе еще, лѣтъ, можетъ, восьми, на дерево, не то любопытно показалось, не то со страху; увидѣлъ его солдатъ и говоритъ офицеру: „Ваше благородіе, ссадить воробушка?“ — „Ссади!“ Бацъ! — и полетѣлъ бѣдный воробушка съ дерева.

4000 человекъ убилъ и искалѣчилъ батюшка-царь въ кровавое воскресенье. Набилъ кровавымъ мясомъ всѣ госпитали. Долго послѣ возили по ночамъ цѣлые вагоны труповъ тайкомъ на кладбище. „Ну, думаетъ царь: теперь будутъ спокойны!“ Да

ошибся онъ, ошибся и старый царскій дядя — извергъ Владиміръ: не испугали они рабочихъ! Страхъ обуялъ царскую семью, когда узнали они, что Гапонъ спасся отъ бойни и прочли его новое воззваніе къ рабочимъ. Другимъ языкомъ заговорилъ теперь смѣлый священникъ, вотъ что писалъ онъ рабочимъ сейчасъ же послѣ бойни:

„Родные, кровью спаянные товарищи рабочіе!

Мы мирно пришли 9 янв. къ царю за правдой. Мы предупредили объ этомъ его опричниковъ-министровъ, просили убрать войска, не мѣшать идти къ нашему царю. Самому царю я послалъ письмо съ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой. Цѣной собственной жизни мы гарантировали неприкосновенность его личности. И что же, невинная кровь уже пролилась. Звѣрь царь, его чиновники казнокрады и грабители народа сознательно захотѣли быть и сдѣлались убійцами безоружныхъ нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей. Пули царскихъ солдатъ, убившихъ заразъ 300 рабочихъ, несшихъ царскіе портреты, прострѣлили эти портреты и убили этимъ нашу вѣру въ царя. Такъ отмстимъ же, братья, проклятому народомъ царю и всему змѣиному царскому отродью, его министрамъ и всѣмъ грабителямъ несчастной русской земли. Смерть имъ всѣмъ. Кто, чѣмъ и какъ можетъ, я призываю всѣхъ, кто искренно хочетъ помочь трудовому русскому народу жить и свободно дышать, на помощь: всѣхъ интеллигентовъ, всѣхъ студентовъ, всѣ революціонныя организаціи. Кто не съ народомъ — тотъ противъ него. Братья-товарищи, рабочіе всей Россіи, вы не станете на работу, покуда не добьетесь свободы. Пищу, чтобы прокормить себя, женъ и дѣтей, разрѣшаю брать вездѣ, гдѣ можете: бомбы, динамитъ — все разрѣшаю. Не грабьте только частныхъ жилищъ и лавокъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія. Не грабьте только бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными: лучше оставить 9 сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте баррикады, громите царскіе дворцы и палаты, уничтожайте невыносимую народомъ полицію. Солдатамъ и офицерамъ, избивающимъ своихъ братьевъ невинныхъ, ихъ женъ и дѣтей, всѣмъ угнетателямъ народа — мое пастырское проклятіе. Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться свободы — благословеніе. Ихъ солдатскую клятву измѣннику-царю, сознательно пролившему невинную народную кровь, не пожелавшему даже выслушать свой народъ, ихъ солдатскую клятву разрѣшаю.

Дорогіе товарищи-герои, не падайте духомъ, вѣрьте, что скоро добьемся свободы и правды, неповинно пролитая кровь тому намъ порукой. Переписывайте, перепечатывайте всѣ кто можетъ

и распространяйте по всей Россіи это посланіе, зовущее всѣхъ угнетенныхъ, униженныхъ и обездоленныхъ возстать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ, разстрѣляютъ — продолжайте эту борьбу. Помните всегда данную мнѣ вами, сотнями тысячъ. клятву. Боритесь, пока не будетъ созвано Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, гдѣ будутъ избраны вами самими защитниками вашихъ интересовъ. выставленныхъ въ вашей петиціи измѣннику-царю.

Да здравствуетъ грядущая свобода русскаго народа!

9 января 12 часовъ ночи.“

И кипитъ теперь рабочій Петербургъ, кипитъ вся рабочая Россія. То тамъ, то здѣсь вспыхиваетъ стачка, то тамъ, то здѣсь кипитъ уличный бой: началась великая война народа съ угнетавшимъ его цѣлые вѣка правительствомъ. Всюду вооружается рабочій народъ, готовясь къ мести и къ борьбѣ за свободу.

Рабочіе всего міра съ замираніемъ сердца слѣдятъ за тѣмъ, какъ готовятся къ страшной схваткѣ съ правительствомъ ихъ русскіе братья. Надвигается гроза, рожаетъ громъ.

А деревня русская? А крестьяне?—Уже идутъ со всѣхъ концовъ Россія: изъ Кіевской, Харьковской, Черниговской, Екатеринославской губерній вѣсти о томъ, что крестьяне разнесли тѣ сахарные заводы, которые выжимали не только сокъ изъ свекловицы, а кровь и горькія слезы изъ всего окрестнаго населенія. Поднялись крестьяне и въ Пензенской губ., и въ Курской, гдѣ они забрали хлѣбъ изъ экономіи начальника царской гвардіи графа Мейендорфа. Да и какъ можетъ быть иначе? Мало что-ли на крестьянахъ вѣдла? Мало ихъ жилы тянули? Кто только на немъ не наживается, кто только имъ не помыкаетъ! И чиновникъ, и помещикъ, и кулакъ...

Хотите ли вы, русскіе крестьяне, оставаться на вѣки рабами, или хотите стать свободными людьми, полноправными гражданами? Если хотите свободы — долой царскія подати: ни гроша убійцѣ-царю! ни единого человѣка въ солдатчину, въ палачи! Если

хотите свободы, устраивайте въ каждой волости, а то и въ каждомъ селѣ свою крестьянскую власть—революціонный комитетъ. Пусть онъ распоряжается на мѣсто всѣхъ властей. Долой царскихъ чиновниковъ! Если подыметя за городскими рабочими весь крестьянскій народъ за свободу — никто не устоитъ! Хотите-ли вы и впредь платить непомѣрныя подати—Хотите-ли вы, чтобы васъ разоряли въ уплату недоимокъ?—или хотите, чтобы скощены были сразу всѣ недоимки, а налоги перенесены были на богатыхъ, такъ, чтобы, чѣмъ кто богаче, тѣмъ большую часть дохода отдавалъ на общія нужды (это называется прогрессивный подоходный налогъ)? Если хотите сразу сбросить съ себя гнетъ губительныхъ платежей—и прямыхъ, и косвенныхъ, налагаемыхъ и на чай, и на сахаръ, и на вино, и на керосинъ, и на плуги, и на всѣ товары и инструменты, если хотите, чтобы не грабили васъ всякими способами, а блюли бы ваши интересы, — подымайтесь всѣ за народное правленіе, за республику: пусть правятъ Россіей выборные отъ народа, народу подотчетныя.

Хотите-ли вы доплачивать выкупныя платежи, или желаете, чтобы дворяне вернули вамъ то, что содрали съ васъ за вашу-же землю, и эти возвращенныя деньги пошли-бы на нужды народныя? Если хотите послѣдняго, боритесь за республику. Своя народная республиканская власть отниметъ у царя и великихъ князей ихъ имѣнія, а у монаховъ ихъ несмѣтныя богатства, вовсе неприличныя святымъ людямъ, за какихъ они себя выдають, — и всѣ эти средства обратитъ народное правительство вамъ на пользу. Боритесь-же за народную власть, за республику.

Вставайте, русскіе крестьяне, на вашихъ душегубовъ! Долго они надъ вами глумились и ломались, пора и вамъ потянуться къ теплу и свѣту, чтобы и для васъ солнышко свѣтило, а не для однихъ богатыхъ. Крестьянскіе революціонныя комитеты всюд-

должны сбросить все, что осталось отъ брѣвостной бабалы. Навишло на сердце у крестьянъ, а главное — всюду нищета давитъ, животы подвело: кто будетъ виновать, если крестьяне что и возьмутъ у помещиковъ? У нихъ всего слишкомъ много, а у крестьянъ черезчуръ ужъ мало: небольшой будетъ грѣхъ, коли и подѣлятся мужикъ съ баринномъ своею бѣдой, а баринъ съ мужикомъ своею вазной. Только не надо никого убивать по возможности: не стоитъ трудовому люду пачкать свое дѣло кровью. Пусть крестьянскіе комитеты спокойно постановятъ: взять у такого-то помещика то и то, что ему пожела- луй и лишне, а крестьянину по зарѣзу нужно. По- шли и взяли по постановленію крестьянскаго коми- тета. Ну, ужъ конечно, коли станутъ стрѣлять, кровь мужицкую лить, пусть на себя не жалятъ: они начнутъ — ихъ и грѣхъ.

Самое важное для крестьянскаго народа — земля! Какъ быть съ землей, кому и на какихъ началахъ ею владѣть — это обсудятъ народные выборные, когда завоюемъ мы республику. Только социальдемо- краты не станутъ тутъ отстаивать весь деревенскій народъ они станутъ отстаивать деревенскаго без- земельнаго батрака. И въ деревнѣ слышны тѣ, кто побогаче: если и отымутъ землю помещиковъ, — пе- рейдетъ она въ тѣмъ, у кого деньги есть, скотъ, а безземельный да безлошадный опять будутъ въ бат- ракахъ у своего же брата богатаго мужика. Знаютъ это хорошо рабочіе социальдемократы, а потому ихъ цѣль: завоевать свободную республику для того, чтобы бороться потомъ за социализмъ, за то, чтобы зся земля и всѣ орудія производства принадлежали бы не отдѣльнымъ лицамъ, а всему обществу, чтобы, не было больше ни хозяевъ, ни батраковъ, а устро- ились бы все, какъ одна большая братская семья. Сразу этого не устроить. Нужно для этого, чтобы всѣ городскіе и деревенскіе рабочіе пролетаріи т. е. тѣ, у кого ничего нѣтъ, кромѣ рабочихъ рукъ,

между собой бы сговорились и сплотились и образование бы получили, а это все возможно только при свободѣ. Такъ оно и выходитъ: должны городскіе и деревенскіе рабочіе бороться за свободу вмѣстѣ съ зажиточнымъ крестьянствомъ, вмѣстѣ съ торговцами, съ хозяевами-ремесленниками, съ разнымъ людомъ, хоть и имущимъ, а нуждающимся въ свободѣ, а потомъ за социализмъ, за общее имущество и братскій строй придется бороться городскимъ и деревенскимъ рабочимъ однимъ. Только вѣдь богатые богатѣютъ, а бѣдные бѣдняютъ, чѣмъ дальше — тѣмъ все меньше будетъ богачей, все больше бѣдняковъ, потому, что разоряетъ богатый менѣе богатаго, самъ карабкается вверхъ, а того внизъ въ нищету толкаетъ. При свободѣ легко и быстро сплотятъ бѣдняки-рабочіе свои силы, тогда придетъ и нашъ великій свѣтлый праздникъ, придетъ побѣда труда и завоеваемъ мы ужъ не свободу только, не права только, не оружіе только — а полное счастье.

Петербургская бѣйня научила многому городскихъ рабочихъ, пусть научитъ она и деревенскихъ. Нуженъ намъ рабочимъ и въ городахъ, и въ деревняхъ — социализмъ, а для этого свобода и республика первымъ дѣломъ. А свобода нужна и всему русскому народу; станемъ-же мы рабочіе, впереди всѣхъ, свергнемъ царя и устроимъ такую республику, въ которой было-бы побольше простора для нашей рабочей борьбы за социализмъ!

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ республика — путь къ социализму!